

Эта разлука длилась шесть лет. В 1982 году народный артист СССР, режиссер Борис Александрович ПОКРОВСКИЙ оставил Большой театр. Оставил не по своей воле. Время доказало; какую несправедливую ошибку совершили те, с чьего молчаливого согласия было разрешено отпустить Гомозского. Борис Александрович ушел, а вместе с ним постепенно уходили из репертуара лучшие его спектакли, которые составляли гордость не только Большого, но всего советского оперного театра. Редко эти злые репертуарные пустоты заполнялись новыми названиями, и уж совсем редко грехи были ставились событиями, а которых горла Москва. Столетия творили, говорили, а другие — о Коммерческом театре, или, как его называли, театре Петровского. Теперь средоточие оперной жизни было там. Теперь спектакли этого театра рупежеская мифа. А художник, пережив обиду, выступил и победил. И мир, спустя шесть лет, Большой театр обратился к нему с просьбой поставить спектакли. Борис Александрович, не помня старое, согласился. И засияла в потухшем репертуарном венце театра жемчужина оперы-балета Н. Римского-Корсакова «Младенц».

— Борис Александрович, премьеры «Младенца» — величайшие праздники, которого давно не знал Большой театр, но как вы рисковали взяться за постановку оперы с такой несчастливой сценической судьбой?

— Это правда, «Младенц» не везло. Она провалилась сначала в Марининском театре, потом в Москве в театре Зимина и в третий раз — уже в Петербургском театре оперы и балета. Но должен признаться, что меня всегда привлекали произведения, ослепленные подобной славой. Кроме того, было заманчиво поставить оперу, которая никогда не шла в Большом. И хотя на этот раз выбирал не я, а дирижер Александр Лазарев, его выбор полностью совпал с моим желанием.

— «Младенц» — произведение, как быстрое, как говорю, «литературские манеры» оперы-балета, причем ведь здесь не дивергентность, а органическая составная часть спектакля...

— У нас, я считаю, сложилось счастье творческое, сложилось понимание с балетмейстером Андреем Петровым. Он человек с самостоятельным художественным мышлением, умеет находить оригинальные решения, так что он полностью сотворил этого спектакля. Ничего, что касалось моего возмущения, не мог отказать Большому театру, это было бы бесчестно с моей стороны.

Театр — это не просто и не только люди, которые в нем работают. Это высокая идея, история, традиции, школа. И в этом смысле Большой театр есть Большой театр. Это явление русской и советской культуры. И я сейчас использую слова, защищая именно театр, а не кого-то в театре. Передо мной великий храм искусства, и он сейчас нуждается в помощи. Сколько в последние время появилось о нем публикаций, и каких! Раньше никогда так пренебрежительное о Большом не писали. И хотя основали для того есть, я все-таки считаю, что Большой театр нельзя ругать, его надо только жалеть. Потому что он творчески организованно и административно связан по рукам и ногам.

В Большом театре всегда была и сейчас есть группа честных, трудолюбивых, талантливых людей. Только нужно дать этим людям возможность проявить себя. Актер должен всегда делать то, что ему трудно, работать на преодоление. Если же с интересом этого не требуется, он умирает. Потому что он творчески умирает слишком долго был. Слово писаное, не востребованное артистом. Это с одной стороны. С другой — вокруг Большого театра всегда существовал и сейчас есть разгул дилеттантства, безвкусы и невежества. Есть руководители, которые должны отвечать за третьесортный, неаппетитный для Большого репертуар и за приглашения людей, у которых нет творческих способностей. Но эти люди, приходящие к Большому театру атмосфере морального и художественного развала. Руководители-то есть, а вот есть ли у них право решать судьбу Большого, если они в искусстве ничего не понимают? И некомпетентность никого никогда не смущает. Каждый считает необходимым высказать свое мнение об опере — хотя представление у него дилетантское — с полным убеждением, что он прав. Им

полнить этот приказ. Ну, скажите, это пустяки? Это же колоссальный моральный ущерб. Я пошел в дирекцию, и выход из сложившейся ситуации был найден совершенно неожиданным, я бы сказал, комическим. Один из спектаклей был целевой — то есть когда билеты закупают на какое-то учреждение. Знаете, какое учреждение закупило билеты Большого театра? Конечно, когда бы не было так горько...

А почти всегда пустующие театры так называемые правительственные ложи? Это же распродажа! При желании тысяч людей попасть в Большой театр. Неужели этот вопрос

чего бы вы хотели? Это разразился театр артиста и, естественно, отразился на художественном результате. А ему, этому артисту, все равно, он в любой момент может пойти пожелать человеку, имеющему право дышать по телефону на директора, дирижера или режиссера.

Сейчас в театре новый директор. Год назад пришел новый художественный руководитель дирижер Лазарев, очень энергичный, но его уже обманывали, в том, что он недостаточно мягок, недостаточно убаюкает артиста. Если он говорит: «Я не разрешаю», то он плохой. И вот группа избранных диктует свои условия. А ответственный

своя наша история не знала нас, что успешность стоит слишком дорого, слишком долго потом приходится расплачиваться за сиюминутные победы? Знаменитый английский газон аэрационный триста лет. Триста А мы хотим за три года изменить человека, его сознание, мировоззрение. Причем каждый как-то больше заботится о совершенствовании, не собственной личности, а своего коллеги или соседа. А начинать-то надо с себя. Банально, конечно, но потому и банально, что повторяется из столетия в столетие. Мы сейчас много пытаемся изменить в разных сферах с помощью пересмотра устаревших положений, принятия новых законов. А в области духовной жизни миканого закона принять нельзя. Представители закон с первого марта все должны возлюбят ближнего своего и стать культурными!

— Но ведь нравственные законы существуют уже не одно тысячелетие...

— Конечно, и на нам их отменить. Но надо о них напомнить людям. Заповеди-то это не божественные, а сугубо человеческие: не убий, не согреши. Жизнь есть вечная борьба добра и зла. Действие же разноречивое, что добро, а что зло. Нам много лет сбивали с этого пути, давайте вернемся к истокам, которые позволяют человеку называться человеком. Вспомним, что такое стыд, совесть. И будем проводить их неделю совести, а пойдем наконец, что совесть наш поводырь в этом мире.

— Но напоминать надо не призывами, а пробуждая душу — тут уж бессильный призыв к искусству, что очень часто приходится слышать: кому оно нужно, это наше искусство...

— Без искусства, конечно, можно прожить, но это прямой путь к потере самого ценного, что есть в человеке, — одухотворенности его жизни. Но искусство — это океан, в нем не только вода, дарующая жизнь, в нем и много разной рыбы. Помните, как говорил Достоевский: «Все наполнено, из которого не дают чинков. У нас слишком много появилось и в литературе, и на театре произведений, за которые чины давали. И, может быть, это в какой-то степени и породило то пренебрежительное отношение к искусству, с которым мы сталкиваемся. А что наплевательство творца на тернистый путь истины? Совесть. Совесть художника это манометр, который показывает, какое давление общества. Ведь, помните, нашу общественную мысль, активность гражданскую даже, если хотим, во многом пробудили к жизни то, что было написано даже не для получения чинков, а просто с риском для собственной жизни. Это толкало людей в те страшные времена говорить правду? Совесть.

Если художник живет для себя, пытается использовать «искусство» угодить власти, или, неизбежно потерит крах. Настоящий художник всегда делает то, что бы хотелось, а то, что нужно. Он должен обладать чутким слухом и великодушным сердцем, чтобы помочь разбираться в бесконечных вопросах, которые ставят перед нами жизни. Мы не можем ставить спектакль с расчетом, что пройдет сто лет и его оценит истинно, а не искусственно. Мы должны работать над тем, что сегодня идет в наш театр, что сегодня будет мыслить и чувствовать. Сила театра в его огромном воздействии на эмоции, в том, что человек, пережив чужие страдания и сомнения, потом самостоятельно рождает из них поток мыслей и ощущений, задушевается о нравственности своего существования.

Мы должны быть честными и помнить, что на свете у души человека. Сейчас мы идем в самом начале очень трудного и долгого пути, хорошо бы, чтобы не оставили нас на этом пути ни силы, ни надежда.

Валентина Ягел
М. НЕВЗОРОВА.

Точка зрения

Борис ПОКРОВСКИЙ:

НА СЛУЖБЕ У ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Известия. 1989. 4 марта. — 6

даже не стыдно заявить: я не понимаю этого спектакля. Так и подымает ответить: помолчи, не пошла, постеснялся прилюдно признаваться в своей безграмотности. Нет, не стеснялся: власть обязана!

И сколько таких властью обещанных, приписанных — попросту организационных, а не общественных организаций, в первую очередь партийная? Это же их прямое дело. Но, как видно, оно им не под силу, куда уж дальше, если дело дошло до забастовки. И возмущение было вызвано как раз неумением руководителем секретаря партийной организации Григорьева. Так что же, вешаясь райком, переизбрали секретаря? Да ничего подобного. И получили, что это ответственный много, а в результате никто из за что не отвечает, и все позволено, можно и дальше действовать в том же духе.

Потому я считаю себя вправе защищать Большой театр. Повторю: ему надо помогать. Избавить от многочисленных пут указаний и пожеланий, очистить Большой театр, отбросить все, что там оказалось случайным. Может, даже процентов тридцать. Чем меньше лишнего будет в театре, тем лучше. Каждый должен дорожить чужим работать в Большом. А я артист! Там людей, которые этим не дорожат. Они знают, что они защищены стелла, сверху, поэтому могут петь, могут не петь, могут уехать когда угодно, поставив спектакль под угрозу срыва. И самое сложное, что это не только их вина, потому давно и вечно работает башня вселенщины. Я сейчас рассказываю скандал. Я начался все с желания сделать людям добро, но как оно быстро утонет по защите собственных амбиций. Все пытались доказать, что его совет — самый лучший, а про пассажиры-проvincиалов и забыли. Вот так и наши споры уходят в сферу вынужденных отношений, а про дело-то под шумок и забывают. Мы все хотим побыстрее охладить результаты начавшихся преобразований. Я понимаю, люди усталы жить в вечном ожидании светлого будущего, но неужели

нельзя как-то разумно решить? Из всего этого и складывается та часть нелепых распоряжений, которые опутали Большой театр и не дают живому театральному организму развиваться естественно и свободно. Прибавьте к этому еще пути многочисленных телефонных проводов, по которым бесконечно идут указания директоры. От его умения подчиняться зависит его карьера. Предупреждающий директор С. Лукин был большим мастером подчинения, поэтому очень долго просидел в своем кресле и поэтому довел до полного морального и художественного развала театр. А где же он сейчас?

В новом кресле — начальника Управления музыкальных учреждений Министерства культуры РСФСР.

Коллектив Большого бурлит. От взаимного непонимания и взаимной неприязни. Вопрос мира в коллективе, приписания — попросту организационных, а не общественных организаций, в первую очередь партийная? Это же их прямое дело. Но, как видно, оно им не под силу, куда уж дальше, если дело дошло до забастовки. И возмущение было вызвано как раз неумением руководителем секретаря партийной организации Григорьева. Так что же, вешаясь райком, переизбрали секретаря? Да ничего подобного. И получили, что это ответственный много, а в результате никто из за что не отвечает, и все позволено, можно и дальше действовать в том же духе.

Потому я считаю себя вправе защищать Большой театр. Повторю: ему надо помогать. Избавить от многочисленных пут указаний и пожеланий, очистить Большой театр, отбросить все, что там оказалось случайным. Может, даже процентов тридцать. Чем меньше лишнего будет в театре, тем лучше. Каждый должен дорожить чужим работать в Большом. А я артист! Там людей, которые этим не дорожат. Они знают, что они защищены стелла, сверху, поэтому могут петь, могут не петь, могут уехать когда угодно, поставив спектакль под угрозу срыва. И самое сложное, что это не только их вина, потому давно и вечно работает башня вселенщины. Я сейчас рассказываю скандал. Я начался все с желания сделать людям добро, но как оно быстро утонет по защите собственных амбиций. Все пытались доказать, что его совет — самый лучший, а про пассажиры-проvincиалов и забыли. Вот так и наши споры уходят в сферу вынужденных отношений, а про дело-то под шумок и забывают. Мы все хотим побыстрее охладить результаты начавшихся преобразований. Я понимаю, люди усталы жить в вечном ожидании светлого будущего, но неужели

нельзя, где она? Любовь к театру — где? Я считаю, для того, чтобы Большой театр спасти, надо изменить отношения производства и личности.

— На ваших глазах не замечалось течение нашей общественной жизни, вы, наверное, раньше многих как-то определяли для себя эти перемены. Как бы вы сформулировали наше время? Какие нам видятся в нем тревожные приметы, какие надежды?

Большее всего меня тревожит запущенное состояние культуры нашего общества. Культура — это не только грамотность, не только образование, это умение слушать и понимать друг друга. Доброжелательность, удовольствие от того, что ты кому-то можешь быть полезен. Всего этого катастрофически нам не хватает. Мы лишены терпимости к позиции, не сходной с нашей собственностью. При этом всем хочется выглядеть большими прогрессистами, вот уж чем мы владеем идеально — так это социальной микшировкой. С готовностью подхватываем новые формулировки и, размахивая ими, словно знаменами... защищаем старое. Возьмем хотя бы либерализм мнений. Либерализм полезен лишь тогда, когда из множества мнений в конце концов выкрикивается одно, при ближайшем рассмотрении к этому, видимо, приехавшему из провинции, и спросили, где можно хорошо пообедать. Одна женщина им посоветовала проехать восемь остановок, мужчина порекомендовал пельменную, старуха объяснила, что через две остановки замечательное кафе. Если один пассажир подключился: зачем им пельменная, у них компания, они хотят хорошо пообедать, и не успев я оглушиться, как разорвался скандал. Я начался все с желания сделать людям добро, но как оно быстро утонет по защите собственных амбиций. Все пытались доказать, что его совет — самый лучший, а про пассажиры-проvincиалов и забыли. Вот так и наши споры уходят в сферу вынужденных отношений, а про дело-то под шумок и забывают. Мы все хотим побыстрее охладить результаты начавшихся преобразований. Я понимаю, люди усталы жить в вечном ожидании светлого будущего, но неужели

Недавно со мной произошел случай, который для меня символизирует такой либерализм. Я ехал в трамвае, народу было мало, все было спокойно и приятно. Вдруг какой-то молодой человек, видимо, приехавший из провинции, и спросили, где можно хорошо пообедать. Одна женщина им посоветовала проехать восемь остановок, мужчина порекомендовал пельменную, старуха объяснила, что через две остановки замечательное кафе. Если один пассажир подключился: зачем им пельменная, у них компания, они хотят хорошо пообедать, и не успев я оглушиться, как разорвался скандал. Я начался все с желания сделать людям добро, но как оно быстро утонет по защите собственных амбиций. Все пытались доказать, что его совет — самый лучший, а про пассажиры-проvincиалов и забыли. Вот так и наши споры уходят в сферу вынужденных отношений, а про дело-то под шумок и забывают. Мы все хотим побыстрее охладить результаты начавшихся преобразований. Я понимаю, люди усталы жить в вечном ожидании светлого будущего, но неужели